

Ведь сын канцлера, помимо своей непревзойдённой внешности, был печально известен как настоящий бесшабашный хулиган, гроза Шэнцзиня. С отцом, обладающим огромной властью, и императором, который его благоволил и снисходительно относился к его выходкам, он действительно был тем, кого никто не смел трогать, человеком, который мог ходить, где угодно, без страха.

Сяо Е замер, заметив, что Чжао Сюйцзэ изменился. В нём стало меньше мрачности, больше легкости, и он выглядел ещё привлекательнее. Исчезла та угрожающая, зловещая аура, которая раньше окружала его, и теперь он казался куда более приятным.

— Как же наш Юйлан наконец-то всё обдумал? — шутливо спросил Сяо Е.

— Я просто понял. Человек рождается в этот мир, чтобы жить в своё удовольствие, наслаждаться жизнью и веселиться, а не закапываться, как брат Юань, в груды бумаг, вставать раньше петухов и ложиться позже свиней. Какая в этом радость?

Цзиньюй оперся на Сяо Е и по-дружески обнял его.

— Эти простолюдины никогда меня не поймут. Пусть говорят что хотят. Я останусь непоколебимым. Ведь есть же князь Сяояо, который меня понимает! Зачем мне обращать внимание на тех, кто мне не важен?

Цзиньюй пробормотал:

— Даже брат Юань меня не контролирует...

Слушая его слова, Сяо Е с горькой улыбкой покачал головой:

— Ты просто пользуешься тем, что второй брат тебя балует. Иначе господин Чжао давно бы уже перебил тебе ноги!

Глядя на беззаботное и наивное лицо Цзиньюя, Сяо Е невольно задумался о своём старшем брате, чьё величие и непредсказуемость становились всё более ощутимыми в залах дворца. В его сердце закралось беспокойство.

— Этот старик Чжао тоже простой обыватель. Вечно суетится, всю жизнь тратит на ерунду. Ради чего?

Цзиньюй с явным презрением отозвался о своём отце.

— Не говори так.

Сяо Е поспешно засунул ему в рот дольку мандарина.

— Господин Чжао служит стране и народу, вносит свой вклад.

Этот парень совсем не боялся, что его слова дойдут до канцлера Чжао, и тот отлупит его до полусмерти. Наглец.

Сяо Е всегда относился к канцлеру Чжао с почтением. Тот когда-то был наставником принцев, и Сяо Е до сих пор помнил, как канцлер бил его по ладоням. Встречая канцлера, он, хоть и не дрожал от страха, но всегда вёл себя сдержанно и уважительно.

А вот Чжао Сюйцзэ с детства получал от отца по заднице, но всё равно оставался дерзким и

бесстрашным, постоянно испытывая терпение старого тигра. И при этом он сохранил свою легкомысленную натуру, вместо того чтобы стать образцовым джентльменом. Настоящий уникальный экземпляр, хоть и невероятно красивый.

— Пф!

Цзиньюй этим звуком выразил своё пренебрежение к словам Сяо Е.

Прожевав мандарин и проглотив его, он наконец смог говорить. Он выхватил из рук Сяо Е очищенный мандарин и добавил с насмешкой:

— Подхалим.

Сяо Е посмотрел на свои пустые руки и не знал, плакать ему или смеяться.

Время было позднее, и если они не вернуться вовремя, то старший сын семьи Чжао снова окажется запертым за дверью, не сможет даже войти домой.

Отправив слуг, они вместе с малыми слугами покинули Башню Десяти Тысяч Цветов.

Когда они прощались, Цзиньюй вдруг хлопнул себя по лбу, вспомнив что-то, и с возбуждением окликнул Сяо Е:

— Завтра в Павильоне Дунлай состоится первое выступление новой Цветочной королевы. Пойдём посмотрим?

Перед ним стоял мужчина, окутанный ночной тьмой. В туманном свете луны лишь слабый свет фонарей слуг освещал его лицо. Ранняя весна ещё несла в себе лёгкий холод, и на его плечах был накинут плащ из белого меха. Его изящное лицо было обрамлено мягким белым мехом, делая его ещё более миловидным и трогательным.

С таким красавцем рядом, разве может Цветочная королева сравниться с Юйланом?

Цзиньюй просто не видел своего лица, поэтому и мог интересоваться другими красавицами. Эх, Сяо Е, как его друг, страдал от его красоты. Раньше он мог восхищаться прекрасными женщинами, но после долгого общения с Чжао Сюйцзэ даже самые красивые девушки казались ему менее привлекательными. Это чувство было трудно описать.

Сяо Е провёл рукой по лицу, глубоко вздохнул и сдался под напором его блестящих глаз:

— Ладно, завтра встречаемся в старом месте.

Услышав согласие Сяо Е, Цзиньюй с торжествующей улыбкой помахал ему рукой, повернулся и сел в паланкин, который медленно удалился.

Сяо Е наблюдал, как маленькая процессия постепенно исчезала вдаль, затем сел на коня и вместе со своими слугами и охраной направился домой.

Вернувшись в усадьбу канцлера, Цзиньюй вышел из паланкина и, стараясь не шуметь, вместе с малыми слугами направился к своему двору. Путь прошёл без происшествий.

Только он открыл дверь своего двора, как внутри загорелись все свечи, что сильно его напугало. Он подумал, что старик Чжао пришёл его поджидать.

Присмотревшись, он увидел, что во дворе сидела его дорогая матушка с четырьмя служанками.

Малые слуги молча положили вещи и удалились, а Сичунь и Нянься взяли у них фонари.

Матушка Чжао уже встала и подошла к Цзиньюю.

Она беспрестанно выражала свою заботу и тревогу:

— Почему ты опять так поздно вернулся?

Увидев, что это не старик, Цзиньюю невольно облегчённо вздохнул. Похоже, на этот раз его задница спасена.

Он обнял матушку и начал капризничать, пока та не рассмеялась.

Перед тем как уйти, матушка вспомнила, зачем пришла в его двор, и сказала с серьёзным видом:

— Я недавно просмотрела портреты нескольких девушек и выбрала несколько с хорошим происхождением и характером. Ты найди время внимательно их рассмотреть, может, найдётся кто-то по душе. Ты уже взрослый, тебе семнадцать лет, пора задуматься о серьёзных вещах.

Цзиньюю обнял матушку за руку и с жалобным вздохом сказал:

— Я ещё хочу поиграть несколько лет...

Матушка Чжао бросила на него взгляд, прекрасно понимая его уловки, и твёрдо заявила:

— Я просто предлагаю тебе посмотреть, никто не говорит, что нужно сразу решать. Но нужно начинать присматривать заранее, ведь подготовка к свадьбе и прочее занимают время. Иначе, когда подходящие девушки разберут, тебе останется только плакать.

Цзиньюю скривился, не придавая этому значения, но чтобы успокоить матушку, взял из рук Ляньцю альбом с портретами и небрежно сказал:

— Хорошо, я посмотрю.

Матушка Чжао наконец успокоилась и добавила:

— Ты сам упрямый. Раньше я предлагала тебе взять Фудун в наложницы, а ты говорил, что она тебе слишком знакома и ты не хочешь. И теперь у тебя в доме никого нет, это же не порядок!

Цзиньюю слушал её нравоучения, пропуская их мимо ушей, и только кивал, соглашаясь. Они ещё немного поговорили по душам, после чего матушка Чжао удалилась со служанками.

Цзиньюю, держа в руках стопку альбомов, вошёл в комнату, бросил их на стол и велел служанкам принести горячую воду. Он с удовольствием принял ванну, смыл с себя запах пудры и усталость, лёг в постель и наконец смог отдохнуть.

На этот раз Цзиньюю оказался в роли сына канцлера, Чжао Сюйцзэ, которого в старости родил господин Чжао, бывший министр-помощник государства и наставник принцев. Благодаря своей непревзойдённой внешности его также называли Юйланом.

Господин Чжао безумно любил своего единственного сына. Хотя в некоторых вопросах он был

строг, в остальном он баловал его, как только мог. Матушка Чжао также считала сына своим сокровищем, и строгость господина Чжао часто смягчалась её вмешательством.

Император также благоволил к Чжао Сюйцзэ. Он рос на глазах у императора, и когда тот был ещё наследником престола, он часто подшучивал над Чжао Сюйцзэ, обучаясь у господина Чжао. Такая связь была особенной.

Без посторонних Чжао Сюйцзэ называл императора братом Юанем, что свидетельствовало об их близости.

Чжао Сюйцзэ также был близким другом младшего брата императора, князя Сяояо, Сяо Е. Хотя они не были неразлучны, их дружба была крепкой.

Несмотря на титул князя Сяояо, Сяо Е всегда славился своими талантами и отлично справлялся с официальными обязанностями, являясь надёжным помощником императора Сяо Юаня. Однако, поскольку большинство его должностей были номинальными, он обычно был свободен и часто сопровождал Чжао Сюйцзэ в его развлечениях, хотя его репутация была куда лучше.

Казалось бы, чего ещё может хотеть такой человек? У него было всё: власть, богатство, красавицы, — ничего ему не было недоступно.

Однако в романе Чжао Сюйцзэ был лишь жалкой пешкой, объектом мести главной героини и инструментом в руках главного героя. После стабилизации ситуации в стране, когда нужно было навести порядок в правительстве, первым, кого выставили виновным, стал Чжао Сюйцзэ. Под предлогом восстановления справедливости для семьи героини, его семью разорили.

<http://bllate.org/book/16773/1541752>